

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Джозеф Шеридан
Ле Фаню

ДОМ
У КЛАДБИЩА
♦
В ТУСКЛОМ
СТЕКЛЕ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Л 53

Перевод с английского
Людмилы Бриловой, Ольги Варшавер, Натальи Калошиной,
Сергея Сухарева

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © Л. Ю. Брилова, перевод, 2003, 2004, 2019
- © О. А. Варшавер, Н. А. Калошина, перевод, 1993, 2019
- © С. Л. Сухарев, перевод, 2003, 2019
- © Е. П. Зыкова, Е. С. Ярцева, примечания, 2003, 2019
- © С. А. Антонов, примечания, 2019
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-17016-2

ДОМ У КЛАДБИЩА

ПРОЛОГ

Деревенские толки

С вашего позволения, нижеследующие главы мы посвятим описанию событий, происходивших в Чейплизоде лет сто назад. За сотню лет, что и говорить, немало утекло воды, ныне и мода другая, и обороты речи приняты иные, чем прежде. Табака в наши дни не нюхают, волос не пудрят, саки и пасьянсы канули в Лету — и все же мужчины и женщины, каковы теперь, таковыми были и век назад — это вам подтвердит (если пожелает) любой человек в почтенных летах вроде вашего покорного слуги, которому довелось в свое время наблюдать арьергард старой гвардии, спешивший вдогонку остальному войску, а также и вести с ним беседы.

В те дни старый Дублин мог по справедливости гордиться приветливым, ласкающим взгляд обликом своих предместий; Чейплизод же превосходил красотой едва ли не все прочие. Берега и долина Лиффи были покрыты садами и могучим старым лесом; лишь кое-где выстроившиеся по-военному в ряд тополя вносили в эту живую, красочную картину немного порядка. Главная улица, с ее старыми домами, островерхими крышами и цветными парадными дверьми, излучала дух веселья и гостеприимства. Сразу позади заставы, там, где дорога сворачивала к возведенному на опорах мосту, который соседствовал с мельницей, первой встречала визитеров из Дублина гостиница под вывеской «Феникс» — также старинная и также весьма располагающая на вид. В задней гостиной «Феникса» регулярно в пять часов пополудни вкушали обеденную трапезу «Олдермены Скиннерз Элли» — это был истинно консервативный клуб, зародившийся еще в прошлом столетии, во времена якобитских войн (он объединял в себе сапожников, или портных, или франкмасонов, или любителей музыки). Здесь, в просторной, обшитой деревянными панелями комнате, они и восседали под покровительственным взором «великого и доброго короля Вильгельма», красовавшегося — при мантии, ордене Подвязки, парике и скипетре — над каминной полкой. В большом окне-фонаре, расположен-

ном напротив камина, виднелся мирный и радостный пейзаж: река, нарциссы, пышная листва. В восхитительные летние вечера в гостиной неумолчно звучали шутки, задушевные разговоры, песни и мудрые речения. Увы! Давно уже ничего не осталось ни от гостиницы, ни от ее посетителей — все развеялось словно дым — тень дыма — пригрезившаяся тень дыма.

Недавно был разрушен «Дом Лосося», стоявший в другом конце главной улицы, — его называли так из-за вывески, в геральдике которой присутствовало изображение этой благородной рыбы. Он и два других здания были развернуты под прямым углом к дороге, в направлении Дублина, и смотрели фасадами на что-то вроде небольшой площади. Между площадью и садом, что граничил с насыпью на речном берегу, оставалось еще достаточно места для тракта и для Мартинз-роу. Так вот, «Дома Лосося» более не существует. Не то чтобы я в этом кого-нибудь винил. Допускаю, что дом насквозь прогнил и вот-вот оттуда сбежали бы даже последние квартиранты — крысы. Он, как выразился один из актеров по поводу слома Олд-Друри, был снесен, дабы избежать неудобств, связанных с его самопроизвольным падением. Примите, однако, во внимание, что имеете дело с ворчливым, но безобидным старым хрычом, которому ненавистны всяческие перемены и который предпочел бы, чтобы все оставалось так, как есть сейчас, пока неизбежная великая перемена не постигнет его самого. Что поделаешь, если лежит у меня душа к местам, знакомым с детства, и к неприятельным памяткам прошлых поколений, — так уж дозволейте мне немного побрюзжать по поводу нынешних домовладельцев, поскольку они усвоили себе вкус к перпендикулярам, параллелям и бесцветному новомодному кирпичу и не склонны церемониться со старыми постройками.

Была еще деревенская церковь с башней, от основания до верхушки покрытой темной, шелестящей массой плюща. Но где же, скажите, каменная доска с высеченным на ней королевским гербом, что помещалась над порталом, где искать ныне это свидетельство бывшего вице-королевского статуса храма? А куда исчезла высокая церковная скамья — там, на внушающем некоторый трепет удалении от прочих прихожан, восседали лорды-наместники Ирландии, в золотых кружевах, в париках, напоминающих грозовую тучу? Здесь очередной лорд-наместник выслушивал проповедь (сугубо каноническую), не забывая то и дело подносить к носу щепотку французского табаку; затем он обходил почетный караул, состоявший из солдат Королевской ирландской артиллерии, казармы которых помещались напротив, через дорогу; солдаты (в бе-

ло-красно-голубой придворной униформе, с косицами, в треуголках) брали на караул, звучала барабанная дробь; наместник садился в карету с гербом, запряженную шестеркой лошадей (таким поза-видовала бы и Золушка), ливреи форейторов сверкали ярче мундиров солдат, и наконец великолепный выезд удалялся по пыльной, палимой солнцем дороге.

Здесь же заседала церковная комиссия. Башня, правда, сохранилась, наполовину утратив свой древний наряд из плюща, но само церковное здание заменено новым, и мне (а со мной, возможно, и еще кое-кому из стариков) не хватает старомодных прямоугольных скамей, где, по традиции, каждому из видных семейств, а также высших должностных лиц городка и окрестностей было отведено особое место; тоскую я и по вычурным неуклюжим пюпитру и кафедре, и от сознания, что потеряны все эти вещи давно и навсегда, они становятся мне еще дороже. Остается гадать, куда подевались ярко-голубые таблички арочной формы, на которых высокими золотыми буквами во времена королевы Анны были выписаны десять заповедей (таблички эти помещались по бокам главного престола, обнесенного высокой тонкой оградкой); я недосчитываюсь еще полусотни предметов, которые в дни детства казались мне вечными, как земная твердь, и священными, как небеса.

Что же до казарм Королевской ирландской артиллерии, до больших решетчатых ворот, за которыми на берегу реки помещался плац, и всего остального, то их, думаю, поглотила земля, а вернее, мрачная гигантская фабрика, которая плюется паром, скрежещет колесами и испускает клубы черного дыма, — она заполонила ныне чуть ли не весь Чейплизод, и, кроме нее, местным жителям нечем похвалиться.

Былые знакомые лица — уцелевшие старые дома напротив фабрики — взирают своими стеклянными глазами на непривычное окружение жалобно и неприкаянно. Лет девяносто-сто назад все здесь выглядело совершенно по-иному!

Где ныне мельница, что стояла у моста, этот хозяйственный придаток городка? В детстве я любил ее: вид у нее был грустный и ветхий, а из сумрачных, туманных внутренних пространств доносился стук, непонятным образом звучащий в такт жужжанию мельничного шлюза. Ее больше нет, я в этом не сомневаюсь: то безобразие, что стоит на ее месте, не имеет ничего общего с почтенной подругой моего детства.

Но сколь бы ни было безгранично ваше терпение, мой снисходительный читатель, злоупотреблять им я не собираюсь: чего ради вам тратить летний день на прогулку по старому поселку, изуродо-

ванному и жалкому, где небеса застит фабричная копоть? Но прежде чем обратиться к нему спиной, удостоите хотя бы одним взглядом наше главное деревенское дерево: могучий неохватный вяз. За последнее столетие он не подрос ни на дюйм. Могу утверждать со знанием дела, что минувшие полвека не состарили его нисколько. Он тот же, что и раньше, и, однако же, сделался в родных краях чужаком: его окружает новый, неузнаваемый Чейплизод — деловой и безрадостный; и старик слушает (так мне кажется) вечное бормотание реки и мечтает о давно ушедших временах и людях. А ведь тебе тоже есть что поведать, одинокий, всеми забытый мудрец; пусть бы только ветер, подобно тростнику, разгласившему тайну Мидаса, разнес твои слова по окрестностям.

Столетие назад Чейплизод переживал свой расцвет. О тех днях, ярких и захватывающих, идет добрая слава, она мне дорога, и я забочусь о сохранении немногих памятников, что после них остались, но признаюсь вам на ушко: ничего нет приятней, чем читать книги и мечтать о былых временах, но жить веком ранее я бы не пожелал. И все же в моем воображении давно уже проплывают, сплетаясь и сменяя друг друга, картины прежней жизни; мне грезится кровожадность и неистовство, гостеприимство и радушие; бывшее варварство смягчено дымкой времени и окружено неким ореолом. Эти видения напоминают мне раскаленные угольки в камине, я люблю блаженно наблюдать их в зимние сумерки, удобно устроившись в кресле и подперев седую голову рукой, а они все меняют очертания и беззвучно шепчут свои «зимние сказки».

Когда ваш покорный слуга и рассказчик этой истории Чарльз де Крессерон был четырнадцатилетним мальчуганом (а в каком году это было — не важно, скажу одно: давние события помнятся мне яснее, чем то, что происходило на прошлой неделе), случилось ему (к его радости) во время каникул приехать на недельку в Чейплизод к своему добрейшему дядюшке и крестному отцу, который служил здесь помощником приходского священника. На следующий день после его, а вернее, *моего* прибытия (возвращусь-ка я, с вашего разрешения, к рассказу от первого лица) внимание всех местных жителей было привлечено к погребению одной старой леди. Покойница (фамилия ее была Дарби) долго добиралась до места своего последнего приюта: похоронные дроги неспешно проделали путь, который начался в Лиснабейне, графство Слайго, и закончился на чейплизодском кладбище. Определить место для погребения не составило труда: семейство покойной имело наследственные права на некий клочок церковной земли, каковой можно назвать скорее

не пожизненным, а посмертным владением, и участок этот был отмечен большим плоским камнем, так что могильщик, Лемюэл Мэттокс, ни разу не сбившись с пути, проводил моего дядюшку прямоком туда, и дядя, человек беспокойного темперамента, легко убедился, что ошибки быть не может.

Дядя дал разрешение, и работа тотчас закипела. Не решусь утверждать, что мою тогдашнюю тягу ко всему мрачному разделяют все мальчишки на свете, знаю лишь одно: ничто я так не любил, как посещать кладбище, разбирать надписи на надгробиях, наблюдать за рытьем могил и слушать деревенские толки о покойниках.

Могила, вытянутая с востока на запад, была уже почти готова, но вдруг земля с северного края, где виднелся старый гроб, осыпалась, увлекая за собой бурый прах и перепачканные кости, а к ногам могильщика, несколько раз кувыркнувшись, лег пожелтевший череп. С этими находками Мэттокс обошелся как обыкновенно в таких случаях: осторожно поддел кончиком заступа и сложил наверху, в сторонке от большой кучи земли.

— Силы небесные! Ну и досталось же ему! — произнес молодой Тим Моран, поднимая череп и оглядывая его со всех сторон.

— Дай-ка сюда, Тим, ну же, я хочу посмотреть, — вскричали двое-трое вмиг собравшихся зевак.

— Э! Да его убили, — заключил один из них.

— Кто-то здорово над ним поработал! — подхватил второй.

— Погиб на войне, не иначе! — добавил третий.

— Бедняга отдал концы не сходя с места, с такими ранами не живут, — изрек Тим.

— Дырка от пули, — заметил кто-то, просовывая палец в аккуратное круглое отверстие размером в полпенни.

— А тут две трещины, смотрите! Укокошили, как пить дать!

— С чего ты взял, что их две? Хотя нет, твоя правда, две!

— Не иначе как его огрели кочергой.

Мэттокс проворно вскарабкался наверх, завладел черепом и стал вертеть его в руках. Но хотя он был уже далеко не юноша, ничего подходящего к случаю ему вспомнить не удалось.

— А может, это тот самый матрос, которого пристрелили в прошлом году за то, что он ударил капитана? Как по-вашему, мистер Мэттокс? — предположил один из присутствующих.

— Нет, матроса погребли к северу от церкви, беднягу, — отозвался Мэттокс, не сводя глаз с черепа. — Опять же это и не адвокат Галлагер... его еще убил на дуэли полковник Рак — попал прямо в голову... Но это не он, быть того не может.

— Отчего же не он?

— Чем угодно поклянусь, что не он, а тем паче не матрос. Глядите сами: земля здесь сухая. Вот там, на дне ямы, гроб старого Дарби — цел-целехонек, хоть пляши на нем, а ведь когда еще его закопали, аж в девяносто третьем году. А теперь смотрите на тот гроб, откуда выкатился череп. Что от него осталось? Одна труха.

— А ведь верно, так оно и есть.

— Дело ясное, этот гроб лежал в земле добрых три десятка лет, а то и больше.

Как раз в это время показалась высокая тонкая фигура помощника приходского священника. Длинные худые ноги моего добрейшего дядюшки, облаченные в черные шерстяные чулки и бриджи, с осторожностью ступали меж могил. Собравшиеся приподняли шляпы, Мэттокс спрыгнул обратно в яму, а дядя изобразил на лице что-то вроде печальной улыбки, поскольку всякое другое приветствие казалось ему неуместным в этих торжественно-мрачных пределах.

Дядя имел обыкновение чрезвычайно деликатно обходиться с костями, по несчастной случайности попавшими под заступ могильщика. Он, бывало, не сходил с места, пока, после чтения заупокойной, потревоженные останки не водворялись со всей возможной бережностью на прежнее место. Нередкие в подобных случаях проявления легкомыслия и праздного любопытства он неизменно пресекал, для чего достаточно оказывалось внушительным тоном произнесенного упрека. Посему неудивительно, что при появлении дядюшки зеваки, как говорит ирландская пословица, «уронили, словно горячую картошку», свою занимательную находку, а гробкопатель с изрядным проворством схватил в руки заступ.

— О, дядя Чарльз! — сказал я, хватая дядюшку за руку и увлекая его поближе к могиле. — Посмотри, что за диковинный череп! Он пробит пулей, а вдобавок его еще раскроили кочергой.

— Мальчик верно говорит, ваше преподобие, этого парня, кто бы он там ни был, спровадили на тот свет дважды... упокой Господи его душу.

Мэттокс с самым что ни на есть благонравным видом выбрался из почти что готовой могилы, поднял побуревший череп (не забывая при этом о надлежащей почтительности) и стал осторожно его поворачивать перед глазами собеседника. Дядя, не подходя ближе, созерцал находку с видом печальным и устрешенным.

— Ты прав, Лемюзл, — заговорил он, по-прежнему не выпуская моей руки, — несчастный пал жертвой убийц, сомневаться не при-

ходится. Ему нанесли два сокрушительных удара и к тому же прострелили из ружья затылок.

— Никак не из ружья, сэр. Дыра, я вижу, размером с картечь, — раздался из-за дядиной спины грубый, резкий голос.

Это вмешался в разговор старик-военный; он был в треуголке, какие носят отставники, гамашах и длинном старомодном сюртуке красного цвета; на губах ветерана играла едва заметная мрачная усмешка.

Вздвигнув, я отошел чуть в сторону, чтобы уступить незнакомцу место подле дяди, не без расчета, что он, быть может, способен пролить свет на историю примечательной находки. Единственный находившийся на виду серый глаз старика походил на крысиный, второй прикрывала черная нашлепка, на лбу алел глубокий косой шрам, уходивший под упомянутую нашлепку. На багровом лице незнакомца выделялся особенно густой окраской бесформенный кончик носа, возле него виднелась большая бородавка. Оглядывая старика, я обратил также внимание на большую прогулочную трость, которую тот держал на плече. В облике незнакомца мне почудилось пугающее, но притом карикатурное сходство со старинным портретом Оливера Кромвеля, который висел в гостиной моего деда, убежденного вигга.

— Так, по вашему мнению, это не пулевое отверстие, сэр? — тихим голосом отозвался дядя и коснулся своей шляпы: происходя из семьи, принадлежащей к военному сословию, дядя неизменно проявлял крайнюю почтительность при встрече с любым армейским ветераном.

Старый солдат приветствовал его в ответ, а затем промолвил:

— Осмелюсь сказать, сэр: *ясное дело*, нет.

— Тогда *что* же это по-вашему, уважаемый? — в качестве профессионала и человека авторитетного задал вопрос могильщик.

— Трепан, — небрежно бросил в ответ старый чудака таким тоном, словно отдавал команду «смирно!» совсем зеленому новобранцу, не поворачивая головы, а лишь на миг скосив в его сторону свой серый глаз.

— А не знаете ли вы, кому принадлежал этот череп, сэр? — спросил священнослужитель.

— Отчего же не знать — *знаю*, — отозвался ветеран все с той же странной улыбкой, а затем вызывающе обратился к могильщику: — Вы здесь, приятель, главный по могилам. Как на ваш взгляд, долго ли этот череп гнил там, внизу?

— Порядочно, *приятель*, но не дольше, чем вы ходите здесь, наверху.

— Тут вы правы, спорить не буду, мне ведь довелось провожать его в последний путь. — При этих словах старый воин взял череп из рук могильщика. — И скажу еще вот что: кое-кто на тех похоронах не уронил и слезинки, ха-ха-ха!

— Так вы местный уроженец? — спросил мой дядя, который почувствовал, что пора перевести разговор на другую тему.

— Вот именно, сэр. Взгляните-ка на этот сломанный зуб... О нем я и забыл... А стоило увидеть, так припомнил и зуб, и улыбку ясно, как сейчас, — чем угодно клянусь... И острый краешек — вот он, тут как тут... чтоб его черти взяли! — И упомянутый зуб, один из всего лишь трех уцелевших, оказался в руке старика, который с остервенением швырнул его в могилу.

— И вы... вы служили в армии, если не ошибаюсь? — осведомился священнослужитель, чтобы прервать эту тягостную сцену.

— В точности так — в Королевской ирландской артиллерии, — браво отрекомендовался его багроволицый собеседник.

— В каком звании?

— Барабанщика.

— О, барабанщика... С тех пор, надо полагать, много воды утекло? — спросил мой дядюшка, задумчиво глядя на ветерана.

— Без малого уж полсотни лет. Да, башка у него была крепкая, но — сами видите — железяка покрепче оказалась, ха-ха-ха! — Ухмыляясь и кивая, старик замахнулся на череп своей тростью.

— Полегче, полегче, друг мой, — забеспокоился дядюшка, придерживая руку собеседника, указующий жест которого походил скорее на удар.

— В то время, сэр, шефом полка числился лорд Блэкуотер, но он, почитай, безвылазно сидел во Франции. В его отсутствие полком командовал генерал Чэттесуорт, после него шел полковник Страффорд, а тому уже подчинялся майор О'Нейл. Капитанов было четверо: Клафф, Деврѐ, Бартон и Бург; старшие лейтенанты: Паддок, Делани, Сэквилл и Армстронг; младшие: Солт, Барбер, Лиллиман и Прингл; лейтенанты-фейерверкеры: О'Флаэрти...

— Прошу прощения, — прервал его дядюшка, — вы сказали *фейерверкеры*?

— Да, сэр.

— Но ради бога, кто это — лейтенант-*фейерверкер*?

— Ну как же, сэр, *фейерверкер*! Он следит за тем, чтобы солдаты содержали орудия в исправности, заряжали как положено и метили точно в цель. Но не в этом дело. Взгляните лучше на череп, сэр. Чудная это была история, второй такой вам и слышать не до-

водилось, и шуму она наделала изрядно. Дамы перетрусили до полусмерти, мужчины чесали затылки, ха-ха-ха! Мне-то она известна, сэр, рассказать — жуть, да и только...

— Прошу... прошу меня простить, сэр, но... да, кажется, похоронная процессия уже подходит, придется мне с вами пока распрощаться.

Дядя поспешил в церковь, надел на себя облачение, и погребальный обряд пошел своим чередом.

После похорон дядя предпочел самолично проследить за тем, чтобы потревоженные останки с должным тщанием были водворены на прежнее место. Затем он освободился от облачения и вернулся на кладбище — разыскивать старого солдата, как я догадался.

— Он ушел еще раньше, во время похорон, — сказал я дяде.

— А, тот отставной солдат, — отозвался дядюшка, продолжая осматриваться.

Вместе мы прошлись по городу, через мост, но ничего похожего на треуголку и красный однобортный сюртук нам на глаза не попалось. Разочарованные, мы вернулись домой к чаю.

Я тут же побежал в заднюю комнату, чтобы оттуда взглянуть в окошко на кладбище, где, быть может, в закатных лучах прогуливался среди могил, вскинув на плечо тросточку и ухмыляясь, старый солдат. Но за окном не было ни души. Я вернулся к своему дядюшке, который успел уже заварить чай и с легким стуком хлопнул крышку серебряного чайничка. Дядя улыбнулся мне с отсутствующим видом и потянулся за книгой, затем уселся поудобней, нога на ногу, и, поглаживая свободной рукой свою худосочную голень, принялся читать, а восхитительный настой тем временем набирал силу.

Мне же более всего на свете хотелось в те минуты дослушать повествование о ледящих кровь событиях, коих материальное свидетельство — загадочный череп — я наблюдал всего лишь час назад, но, увы, на это не оставалось почти никакой надежды. Вконец расстроенный, я выглянул в окно — и что же? — как раз под главным деревенским деревом неспешно вышагивал, направляясь в сторону «Дома Лосося», тот самый отставной солдат: треуголка, медного цвета нос, просторный красный сюртук с несообразно громадными петлями, гамаша, тросточка — всё на месте.

— Да это же он! Дядя Чарльз, это он, смотрите! — вскричал я.

— Кто, тот самый солдат? — отозвался дядюшка, в спешке зацепился ногой за ковер и едва не разбил окно. — И в самом деле, нука, мой мальчик, сбегай за ним и попроси его подняться сюда.

Не успел дядюшка это промолвить, как я уже кубарем катился вниз, но дядя, высунувшись в окно, сам окликнул старого солдата и пригласил его войти. Почтенный воин, выставив вперед левое плечо и по-военному отдав честь, поблагодарил священнослужителя. Я не раз замечал, что суровые, повидавшие мир ветераны не склонны отвечать отказом, когда речь идет об угощении. Если последнее их разочарует — ну что ж, зато оно им ничего не стоило, если же оправдает ожидания — тем лучше.

И вот ветеран взошел по лестнице и по-военному невозмутимо вступил за порог. В ответ на приглашение выпить чаю он ответил, что предпочитает пунш. Вскоре необходимые ингредиенты оказались на столике у камина, отчего у всех в этот ветреный и холодный вечер потеплело на душе. Гость расположился рядом и принялся со вкусом готовить божественный напиток, мы же прихлебывали чай в предвкушении рассказа. Вскоре полилась своеобразная речь нашего повествователя, которую, надо сказать, я выслушал с начала и до конца с неослабным интересом.

Как это иногда бывает, со временем неожиданно пролился свет на ряд упомянутых в этом рассказе обстоятельств: мне попали в руки дневник (на редкость подробный) и объемистое собрание писем сестры генерала Чэттесурта, Ребекки, — с ее семейством я имел честь состоять в родстве. Не один год после этого случалось мне с неизменным удовольствием заглядывать зимними ночами в дневник (для человека, по-кошачьи привязанного к любимым местам, он представлял собой истинное сокровище) и в бесчисленные связки писем. На конвертах, рассортированных и сложенных в идеальном порядке, красными чернилами были приведены выдержки, которые Ребекка делала собственноручно, твердым и тонким почерком; имелись копии ответов — с кем только не состояла в переписке усердная и неутомимая леди!

Мне хотелось бы думать, что нижеследующее повествование впитало в себя дух этих старых документов, а главное, побудит читателя хотя бы в малой степени разделить мой особый, окрашенный грустью интерес к милому старому Чейплизоду. В тот памятный вечер ничто так не разожгло мое ребячье воображение, как сознание того, что события, о которых я услышал, имеют самое непосредственное отношение к дому, где мы — дядюшка, его лоботряс-племянник (то есть я сам) и чудной старый солдат — собрались за беседой. Впрочем, мое дело — не высказывать пожелания, а просить вас выслушать мой рассказ внимательно; какую бы оценку он у вас ни заслужил — я приму ее с покорностью.

ГЛАВА I

Ночное посещение церкви

Однажды в начале мая, А. D.¹ 1767 (я пользуюсь, как уже говорил, письменными источниками, почему и говорю с такой уверенностью), спустилась на Чейплизод и окрестности темная-претемная ночь.

Случилось это, надо полагать, в новолуние, звезды же были скрыты влажным «одеялом ночи» — непроницаемой погребальной пеленой.

В начале вечера на небе появилась зарница, что предвещает, как известно, душную и знойную погоду. Одна за другой собрались над Дублинскими горами колонны угрюмых облаков и выгнулись от горизонта до горизонта темно-серым туманным куполом. Их медленное, но неуклонное перемещение составляло контраст чудовищной неподвижности воздуха. Атмосфера давила, над городком нависла неведомая угроза, словно некие злобные силы прокладывали себе путь в самую его сердцевину под хмурым, предостерегающим взглядом небес.

Утро того же дня старая Салли, экономка приходского священника, провела в тревоге. Во сне ей пригрезилось, что она застилает громадную парадную постель с камчатым темно-зеленым пологом. Это предвещало неминуемые неприятности — не обязательно крупные (однажды в подобном случае дело ограничилось тем, что доктор Уолсингем уронил за борт парохода кошелек, содержимое которого не составляло и гинеи серебром), но не следовало зарекаться и от более серьезной беды. Что за опасность сулило дурное предзнаменование — оставалось только гадать.

Тем же утром посыльный привез внушительных размеров квадратное письмо, снабженное круглой печатью размером с крону, не меньше, адресованное преподобному Хью Уолсингему, доктору богословия, дом у моста, Чейплизод. Получив письмо, достойный священнослужитель выказал явные признаки беспокойства и заставил посыльного битый час ожидать ответа; ровно в два тот же посыльный прибыл со вторым письмом, однако на этот раз адресат ограничился краткой запиской. «Вряд ли это будет понято правильно, — произнес доктор, сидя в своем кабинете над захлопнутым фолиантом и хмурия брови, — но служение Всевышнему не допускает двуличия. Пребуду ли я чистым перед Господом, если

¹ Anno Domini — в год от Рождества Христова (*лат.*).

стану произносить слова упования, тогда как в моей душе нераздельно царит страх? Нет, оставляю эту миссию тому, кто способен достойно ее исполнить, сам же ограничусь тем, что буду присутствовать — раз уж это необходимо».

Да уж, ночь выдалась темная, хоть глаз выколи. А ветер, а потоки дождя! Как раз в то время доктор Уолсингем стоял под навесом на крыльце основательного кирпичного здания, построенного во времена короля Вильгельма, — именно здесь жительствова­ли в минувшем веке почтенные пастыри чейплизодского прихода. На докторе красовались просторный сюртук и накидка, гамаша на пуговицах, широкие кожаные штаны были подобраны и стянуты ремешками поверх гамаш, поля шляпы опущены и привязаны большим шелковым платком, дабы надежнее прикрыть парик и уши. Вид в целом, осмелюсь сказать, нелепый, но что поделаешь — на сей раз, как всегда бывало в ответственных случаях, над гардеробом доктора изрядно потрудились женские руки. Седовласая Салли, особа с добродушным и степенным лицом, держалась на заднем плане, в холле, а хорошенькая Лилиас, единственное дитя достойного священнослужителя, вышла на крыльцо поцеловать отца на прощанье и окончательно убедиться, что он обут и одет сообразно погоде и обстоятельствам. Доктор с любящей улыбкой похлопал дочь по щеке, а затем оперся на руку старого Джона Трейси, дворецкого. Джон держал в руках красивый роговой фонарь, который выхватывал из темноты попеременно то придорожные кусты, то зубчатое ограждение моста, то окно, заливаемое потоками воды. Единственным, чем не запаслись путники, были зонты, в ту пору еще не существовавшие. Вскоре священник, честный Джон, всегдашний его спутник в ночных вылазках, а также «фонарь-который-носит-Джек» (согласно любимому выражению доктора) уже совершали свой извилистый путь меж бесчисленных луж. После того как они скрылись за углом, Салли и Лилиас минут пять еще стояли на крыльце с горящими свечами.

Из бокового окошка «Феникса» до путников долетал ослабленный расстоянием и шумом дождя напев дудок — достаточно мелодичный и вполне созвучный окружающей темноте и тому печальному поводу, что побудил священника совершить столь позднюю прогулку; это искусные «Олдермены Скиннерз Элли» наигрывали песенку, славящую короля. Для светского мотива она звучала чересчур торжественно и походила скорее на погребальный напев. Минуло четверть десятого, и, за исключением музыкантов, все живое вокруг уже затихло. Нынешняя ночь как нельзя более годилась

бы для тайной вылазки: траурные облака, разверзшиеся хляби небесные, гулкие хлопающие звуки со всех сторон, сплошной поток под ногами, полноводные сточные канавы, на которых недоставало только мельниц; бешеные ручьи мчались вдоль улицы, не разбирая пути, огибали углы домов и попадали в замутненную, рябую от дождя Лиффи; хмурая река, вясь, устремлялась к морю, чернотой своей не отличимому от небес.

Не обнаружив на пороге ни досужего офицера, ни праздного официанта, путники миновали «Феникс». Из-под угла вывески стекал ручеек, а украшавшая ее птица в такое ненастье подумывала, должно быть, не о самосожжении, а — разнообразия ради — о самоутоплении. Все добрые люди, как военного, так и гражданского сословия, попрятались нынче по домам, одни лишь «Олдермены», не изменив своему обыкновению, пребывали в задней гостиной опустевшего и притихшего «Феникса». Дверь гостиницы была прикрыта; тоненький лучик света, проникавший через узкую щелку, падал на грязное озеро, по которому непрерывно барабанил дождь.

Огонек докторского фонаря проскользнул мимо, пересек улицу и стал медленно перемещаться вдоль ряда неосвещенных парадных дверей в сторону такого же темного «Дома Лосося». Крутой поворот, новый отрезок пути — и впереди показались слегка приоткрытые кладбищенские ворота. Видневшаяся в глубине дверь церкви также не была затворена — из нее исходил слабый свет.

Могу себе представить, как воспряли духом церковный сторож, старый Боб Мартин, и угрюмый мистер Айронз, клерк, когда слышали бодрый голос священника, окликавшего их по именам. В церкви теперь прибавилось света, но все же трех свечей явно не хватало, чтобы рассеять неуютный сумрак, в дальних углах переходивший в полную темноту. Зикиел Айронз был худой, замкнутый на вид малый в черном парике, с отливавшим синевой подбородком и отпечатком мрачной настороженности на лице. Не завидую честному Бобу Мартину: вряд ли с этих тонких губ сорвалось хоть единое слово, способное скрасить жутковатый тет-а-тет в окружении черных окон и табличек с надгробными надписями на стенах нефа.

Священник, напротив, не расположен был молчать. Его речь — как и подобало при данных обстоятельствах, неторопливая и сдержанная — все же вселяла жизнерадостность и смогла разогнать тень дурного настроения, павшую на младших служителей церкви, пока он отсутствовал. Доктор узнал, что у миссис Айронз все так же болит зуб, зато «раздражение в желудке», слава богу, прошло.

(Благо бы оно гнездилося только в желудке, но супругу миссис Айронз было известно на горьком опыте, что желудком оно не ограничивается.) Поясницу у Боба Мартина уже отпустило — «премного благодарен за внимание, ваше преподобие». Айронз, клерк, сообщил, что захватил с собой два требника. Ошибки быть не может, заверил Боб, старую леди погребли в ближнем склепе. Да, минуло уже четыре десятка лет, но все, что тогда происходило, он помнит не хуже, чем вчерашний вечер. В склепе покойницу переложили в свинцовый гроб — сделать это пришлось ему самому вдвоем с могильщиком, а старухины слуги ни в какую не соглашались к ней прикоснуться. Саван на усопшей был из белого атласа, пальцы — сплошь в кольцах. Такова уж была ее последняя воля. Все говорили, что старуха тронулась. Ее лица он вовек не забудет: нос длинный, крючком, а глаза открыты. Это потому, что преставилась она во сне, а узнали об этом только утром, когда покойница уже успела окоченеть, — так ему сказали. Не далее как сегодня он спускался вниз, чтобы бросить взгляд на гроб, — через полчаса после разговора с его преподобием.

Священник опустил глаза на свои внушительных размеров часы. Время близилось к одиннадцати. Доктор впал в глубокую задумчивость и принялся мерно шагать взад-вперед вдоль придела, вплотную к надгробным плитам; в заложенных за спину руках он сжимал шляпу, с которой стекала вода. Его фигура то терялась во мраке, то смутно возникала снова в неярком свете фонарей. Когда физиономия достойного клирика обрисовывалась яснее, видно было, что он не поднимает глаз от надгробий, хмурится и, по своему обыкновению беззвучно шевеля губами, слегка кивает головой — словно бы считает. А в мыслях доктора в это время вертелась одна из надписей, и он все задавал себе вопрос: почему же сейчас, по прошествии двадцати одного года, должно явиться на свет свидетельство двух преступных деяний, забытых и похороненных, чего ради пробуждать ото сна рычащего пса злословия?

«А что до старого дома у Баллифермота, — подумал доктор, — то заботы о нем можно бы поручить и кому-нибудь другому. Но все же должен он где-то остановиться, а здесь, в поселке, лучше, чем в большом городе, — и спокойнее, и народ вокруг добрый, и нет любителей совать нос в чужие дела. — В последнем он ошибался, ибо, как это свойственно бесхитростным натурам, склонен был видеть в каждом безобидное и доброжелательное подобие самого себя. — И пробудет он здесь неделю-другую, не больше». Доктор мысленно вернулся к покойнику, затем к отдаленным последствиям его про-

ступка — и тяжкий вздох вырвался из честной груди священника. Он замедлил шаг и возвел глаза к небесам в кроткой немой молитве. Одновременно у церковных дверей раздалось громохание колес.

ГЛАВА II

Безымянный гроб

Сопровождаемые лязгом и лошадиным фырканием, вплотную к церковному крыльцу подъехали три повозки с факелами, и почти мгновенно в дверном проеме, там, где лежало пятно света, возник высокий и очень бледный молодой человек весьма необычной наружности. Его большие глаза смотрели печально, а на красивом лице лежал отпечаток гордыни.

Джон Трейси зажег восковые свечи, а Боб Мартин установил их на выступе церковной скамьи, примыкавшей к приделу, в углубления по обе стороны от подушечки, где лежал требник, открытый на словах «поминование усопших». Все остальные переместились к дверям, где доктор обменивался рукопожатием с упомянутым высоким молодым человеком. Темные локоны вновь пришедшего были непокрыты, одет он был в черную накидку; во всех его движениях сквозила непринужденность, говорящая о хорошем воспитании.

— Он пробудил во мне скорбные воспоминания о том неназванном, кого больше нет с нами, — сказал доктор очаровательной Лилиас, когда вернулся домой, — та же бледность, тонкие черты и следы опасных страстей на лице, а глаза, как у матери, — большие и печальные.

В темноте за спиной молодого человека, похожий на белую ночную птицу, навис пожилой священник с суровым, желтоватым, изборожденным морщинами лицом, в стихаре и белом парике; с воротника его спускались две белые полоски. Вслед за знакомством с доктором Уолсингемом священник пошептался сначала с мистером Айронзом, а затем с Бобом Мартином, у которого все уже было готово: и две короткие скамейки, установленные поперек придела, и лопата, полная земли. Угловатый священник, устроившись перед скамьей, принялся быстро листать то один, то другой требник, а мистер Айронз оставался рядом, чуть позади него. К молодому человеку (доктор называл его мистер Мервин) направился гробовщик, низкорослый крепыш (от его промокшего платья шел пар, так

что, когда он проходил мимо, вокруг свечей и фонарей возникал ореол). Выслушав его, мистер Мервин исчез. Доктор Уолсингем и Джон Трейси опустились на ближайшие сиденья, а Боб Мартин вышел, чтобы помочь тем, кто находился снаружи. Послышались шаркающие шаги, тяжелое дыхание и приглушенные голоса подручных гробовщика, которые, чуть слышно переругиваясь, поддерживали тяжелый гроб. Тяжелее груза не сыщешь — так мне всегда казалось!

Это был большой дубовый саркофаг, крышка его осталась снаружи, на паперти, поскольку мистер Тресселз, узнав, что проход в склеп очень узок, не стал ее привинчивать, на случай, если возникнет необходимость извлечь гроб. Итак, безрадостную ношу опустили на две скамьи, приготовленные Бобом Мартином. Внутренний свинцовый гроб, обитый запылившимся черным бархатом, был явно много старше своего вместилища. Надпись на табличке начиналась с двух рельефных заглавных букв, после каждой стояла точка:

Р. Д.
почил 11 мая А. Д. 1746
38 лет от роду

Над этой гладкой овальной табличкой виднелась какая-то крохотная, не больше шестипенсовика, декоративная деталь. Джону Трейси показалось, что это звезда. Боб Мартин принял украшение за масонский знак. Мистер Тресселз же, который едва не проглядел заинтересовавшую сотоварищей деталь, высказал догадку, что это всего лишь грошовый херувим. Однако мистер Айронз, клерк, ни минуты не сомневался, что на гробе изображена корона, услышав же другие мнения, предпочел, по своему обычаю, промолчать; холодно сложил он свои тонкие губы в неприятную каменную полуулыбку и предоставил всем прочим и далее пребывать в неведении.

— Прах к праху (тук-тук), перст к персту (тук-тук), тлен к тлену (тук).

А теперь гроб предстояло препроводить вниз, к месту последнего упокоения.

Плиту, закрывавшую вход в склеп, подняли и отложили в сторону. Но сходить в бездну Аверна по крутым выщербленным ступеням, согнувшись в три погибели, оказалось нелегко. Молодой Мервин спустился следом, дабы убедиться, что гроб поместят над-

лежащим образом. В пробивавшемся снизу свете фигуры носильщиков казались гигантскими и совершенно черными.

Доктор Уолсингем гостеприимно предложил своему собрату по церкви ночлег, но тот предпочел вернуться в город, где его ждали ужин и постель. Мервин поблагодарил и тоже отказался. Час был уже поздний, и он намеревался остановиться на ночь в «Фениксе», назавтра же лично засвидетельствовать доктору Уолсингему свое почтение. И вот страдающий разлитием желчи городской священник забрался в свою карету, а гробовщик и его сотоварищи разместились на похоронных дрогах и в экипаже из траурного кортежа, после чего процессия чинно двинулась по Дублинской дороге. Однако случилось так, что, благополучно миновав заставу, ярдов через сто участники похорон догнали развеселую компанию «Олдерменов Скиннерз Элли»; шествие этих последних сопровождалось песнями и добродушными шутками, которые перемежались ликующими кликами, а то и кукареканьем. Погребальная братия немедленно последовала их примеру и подняла безудержный гам. До самого въезда в город повозки состязались друг с другом в бешеной скачке, к ужасу всеми забытого священника, который безуспешно пытался докричаться до весельчаков через окошко кареты. Так продолжалось до самого конца пути. Когда разгневанный служитель церкви вышел из экипажа, мистер Тресселз получил изрядный нагоняй. Жизнерадостному гробовщику пришлось скорчить постную мину и высказать глубокое сожаление по поводу происшедшего; крики и буйство он целиком отнес на счет подвыпивших гуляк, которые, по несчастливой случайности, возвращались домой той же дорогой; мерзкие нечестивцы не иначе как намеренно напугали лошадей, чему не приходится удивляться, ибо представителям мирного и почтенного ремесла мистера Тресселза не впервой терпеть поношения от подобного рода шутников. Ему удалось не то чтобы убедить, но по крайней мере сбить с толку сурового пастыря, и тот, пробормотав: «Credat Judaeus»¹, резко отвернулся и удалился, не прощаясь.

Когда доктор Уолсингем и его верный спутник приблизились к родному крыльцу, от которого их отделял только небольшой садик, в старом доме разом смолкли звуки клавикорда и сопровождавшее их красивое контральто. Доктор улыбнулся в темноте и с удовольствием сказал сам себе (с присутствием старого Джона

¹ Верует иудей (лат.).

можно было не считаться): «Мои шаги она всегда услышит, маленькая моя Лили, как бы ни была занята». Парадная дверь растворилась, и негромкий, но полный энергии красивый голос радостно и задорно приветствовал старика.

ГЛАВА III

Мистер Мервин у себя в гостинице

Утро наступило прекрасное, солнце сияло золотом, природа омылась свежестью, деревья, цветы, земля — все благоухало. Подсохший тротуар весело блестел, а с ним и весь ряд деревенских окон; среди густого плюща, обвивавшего старую церковную башню, оживленно обменивались утренними новостями воробьи; то тут, то там раздавалось пронзительное кукареканье деревенского петуха, бросавшего таким образом вызов соседу; над артиллерийским плацем близ реки разносились нежные звуки рожка.

Начал уже свой обычный утренний обход цирюльник Мур, через дверь булочной сновали многочисленные слуги и служанки, потрепанный красный капор старухи Полл Дилани и белая корзинка ладной маленькой Китти Лейн, девицы со свежим серьезным личиком, уже замелькали на порогах жителей, заказавших к утру свежие яйца. Через приоткрытые парадные двери можно было разглядеть где напудренного лакея, а где веселую служанку в домашнем чепце, поспешавшую в гостиную с красным лаковым чайным прибором. Короче говоря, весь Чейплизод сажился за утреннюю трапезу.

Между тем Мервин позавтракал в одиночестве в знаменитой задней гостиной «Феникса», куда допускались все желающие и где можно было почитать газету. На вид он несколько не походил на отрицательный персонаж — если считать, что нашему повествованию таковой надобен. Лицо Мервина было бледно, меланхолично, величаво, а в больших живых глазах таилась повесть загадочная и, быть может, ужасная. Любой, кому случилось бы узнать об этом молодом человеке побольше, вместе с любезным доктором Уолсингемом развел бы руками, услышав, что Мервин по доброй воле, хотя бы на малый срок, решил остановиться в этом крохотном городишке. Подвигнул его к этому не извращенный каприз, а скорее некие неведомые чары. Вся жизнь Мервина состояла в непрерывном бегстве и погоне — в бесплодных попытках ускользнуть от демона, преследовавшего его, и в стремлении угнаться за химерой.

Мервин стоял у окна, но оставался равнодушен к умиротворяющим картинам и звукам деревенской жизни и разлитым в воздухе ароматам. В это время в гостиную влетел доктор Тул — светлый румяный коротышка. Он только что отпустил ехидную шутку по адресу старой толстой буфетчицы и продолжал довольно посмеиваться. «А ты, радость моя, побудь-ка снаружи». Эти слова были обращены к собаке, которая попыталась протиснуться в дверь минуя доктора. Последовал ловкий пинок, и собака пронзительно взвизгнула уже по ту сторону двери.

— Ваш покорный слуга, сэр, — вскричал доктор и отвесил краткий, но глубокий поклон; удивление его было наигранным — именно с целью поглядеть на незнакомца он и явился в заднюю гостиную. — Нет-нет, прошу вас, не обращайтесь на меня внимания. Только что позавтракали? Кофе недурен — в «Фениксе» умеют варить вкусный кофе. Сливки просто отличные, как по-вашему? Им-то я этого не говорю, — доктор подмигнул, — чтобы не перехвалить. Вам ведь подали сливки, надеюсь? — Тул ловким движением повернул молочник к свету и заглянул внутрь. — А о яйцах нечего и говорить — четыре дюжины несушек на птичьем дворе и девять десятков уток в садике у Трешема, по соседству со Стерком. Стоит припустить ливню, ну и гвалт же там поднимается! Стерк все грозит их перестрелять; он хирург в здешнем артиллерийском полку. Том Ларкин этим вечером сказал, что Стерк просто-напросто позабавовал их утиным мозгом — его куриные пожиже будут, ха-ха-ха! Ну и ночка выдалась — век не забуду, сущеe царство тьмы, и хлестало к тому же сплошным потоком. Вынужден был выходить по делам — медик, знаете ли, куда денешься? — и едва не попал в переплет. Что хорошенького в газете? А, так вы не смотрели. А знаете ли вы, сэр, что — в такую-то ночь — у нас тут хоронили кого-то из Дублина, — а, каково? Тресселзу с подручными пришлось потрудиться. Один негодник с заставы — это недалеко, за углом, — сплетник, каких мало (а ведь любителей совать нос в чужие дела у нас, поверьте, хватает), — так вот, он сказал, что знает кучера. Боб Мартин, церковный сторож, уверяет, что заупокойную читали ни много ни мало двое священников, — так-то! Все по высшему разряду. Один — священник нашего прихода, старый доктор Уолсингем, святой человек, без усталости творит добро, точнее сказать, вступается подряд за всех мерзавцев в округе, — ха-ха! — ни в какую не дает сбить их с рук, намерения у него, правда, самые добрые, только что с лентой он да со странной. А второй — этот прогневшийся ходячий скелет Гиллеспи. И на кой только черт его

откопали? Один из тех, кто был в похоронной процессии, сказал Бобу, что это он. Этот Гиллеспи из Донегана, уж я-то его знаю, злой как собака, скажу я вам, и масон — да, да, вольный каменщик — важная птица! Обедал как-то вечером в Великой ложе, — вы, я вижу, не масон, наши знаки вам незнакомы, — а рожа у него была такая скукоженная и желтая — еще немного, и я бы выжал его в пунш вместо лимона, ха-ха-ха!

Поднятием бровей Мервин изобразил вежливое изумление. Доктор Тул с минуту молчал в ожидании ответной реплики, но ее не последовало.

Тогда доктор продолжил свою речь, нимало не смущаясь тем, что во взгляде Мервина появилось нечто зловещее.

— Пейзажи здесь, сэр, один другого лучше. Художники сюда летом тянутся дюжинами; вытасят альбомы и карандаши и давай марать бумагу, ха-ха-ха! Если вы рисуете, сэр, то возьмите на заметку: есть тут выше по реке одно чудесное местечко с видом на мельницы... Но вы ведь не рисуете?

Ответом ему было молчание.

— А может быть, вы все-таки хоть чуть-чуть балуетесь карандашом, как моя дражайшая супруга? — Внимательный взгляд на одежду незнакомца не обнаружил никаких признаков артистических склонностей, и мистеру Тулу пришло на ум, что молодой человек состоит в штате лорда-наместника. — Если вы направляетесь в Лейкслип, то обратите внимание: здесь у нас на редкость хорошие лошади. — (Шепнем, между прочим, на ухо читателю, что Лейкслип служил в то время летней резиденцией его превосходительству и леди Тауншенд; из старых газет можно узнать, что понедельник был днем, открытым для публики, а по четвергам обычно устраивались приемы.) Однако и тут мистер Тул вытаскил, похоже, пустой номер. — Если вы сегодня не собираетесь уезжать, есть случай развлечься — стрелковые состязания в Палмерзгауне, на ярмарочной лужайке. Будут участвовать семь районов, призы — десять и пять гиней. В час дня. Как вы насчет этого?

Тут в гостиную вошел майор О'Нейл из Королевской ирландской артиллерии, маленький, тщательно одетый человек с лицом типичного ирландца. Он оказался немногословным, зато весьма приветливо улыбался...

— Ваш покорнейший, джентльмены. А, доктор, как дела? Что нового... о чем пописывает «Фримен»?

Тул пробежал глазами газету и тут же ее скомкал.

— Ничего... ничего особенного... Бал у леди Мойры: маскарадные костюмы — ирландские, ничего привозного; гости без масок,

большой съезд дворянства — более пяти сотен приглашенных. Верно, и ваших сослуживцев там было немало, а, майор?

— А как же: лорд Блэкуотер, это уж непременно; кроме того, генерал Чэттесурт, Деврё, маленький Паддок и...

— *Стерка* не было, — с ухмылкой перебил майора Тул, явно не расположенный к своему собрату по медицине. — В среду ночью на чейплизодской дороге двое грабителей напали на какого-то джентльмена, отняли у него часы и кошелек, а заодно шляпу, парик и трость. Ему крепко досталось, и сейчас он лежит в постели в тяжелом состоянии. На одном из разбойников был поношенный светлый кафтан и парик. Черт возьми, майор, будь я на месте генерала Чэттесурта и имей под началом две сотни удалцов, я бы заполучил у правительства полномочия и очистил дорогу. Представьте себе, сэр, после наступления сумерек за чертой города в одиночку лучше не появляться, если хочешь жить. — Возмущению словоохотливого медика не было предела. — Уж я бы выловил этих отпетых мерзавцев всех до одного и спалил живьем в бочках изпод дегтя. Проклятье! Недавно отправили на тот свет старого Джо Наппера с Дерти-Лейн, и хоть бы кто-нибудь всплакнул. И вот, глядите, опять все сначала... — И Тул продолжал в том же духе.

Тем временем порог гостиной переступили сослуживец майора капитан Клафф (крепкий, с туго перетянутой талией) и мистер Наттер из Мельниц, управляющий лорда Каслмэлларда — невысокий человечек со смуглым суровым лицом. Вслед за ними потянулось еще с полдюжины посетителей, главным образом членов клуба, собиравшегося вечерами в левой передней гостиной, напротив буфетной; там они ублажали себя приятной беседой, картами, триктраком, глотком-другим горячительного; случалось здесь также услышать в исполнении доктора Тула, изрядного тенора, «А знать красовалась в шелках, в серебре», «Кокетка взглянула игриво» и другие, подобные этим песенки; поклонник театра, кругленький прапорщик Паддок, даром что «шлегка шепелявил», выступал с вдохновенными имитациями Моссопа, Шеридана, Маклина, Барри и прочих актеров. Чужак в этом приятном обществе, Мервин взял свою треуголку и трость и — как печальная прекрасная тень — выскользнул наружу, сопровождаемый немногими любопытными взглядами; к его уходу остались равнодушными все, кроме Тула, который тут же принялся обсуждать с кем-то шепотом его персону.

В задумчивости Мервин бесцельно проследовал через «парк его величества, именуемый Феникс», вышел в Каслнокские ворота

и живописной долиной Лиффи, зажатой меж двух лесистых косогоров, поднялся до паромной переправы; на том берегу Мервин очутился близ деревни Палмерзтаун, откуда намеревался повернуть обратно.

ГЛАВА IV

Палмерзтаунская ярмарочная лужайка

На краю лужайки виднелось полдюжины экипажей и десятка два верховых лошадей, у питейного заведения напротив толпилась компания оборванцев; ворота были распахнуты, артиллерийский оркестр, выстроившийся на лужайке, громоподобной бодрой мелодией будил эхо во всех окрестных закоулках; время от времени бабахала «Смуглянка Бесс» и над изгородью всплывал белый дымок; раздавались ликующие крики зрителей, а изредка и многоголосый раскат хохота, за которым следовал ровный мелодичный гул толпы. Мервин, искавший одиночества, но успевший уже от него устать, счел, что в толпе незнакомых людей он будет неприметен, свернул вправо и оказался на прославленной палмерзтаунской лужайке.

Открывшаяся перед ним картинка сельской жизни представляла собой истинный праздник для глаз. Приблизительно в сотне ярдов от Мервина на зеленом склоне холма четко выделялась круглая мишень с яркими concentрическими кольцами. Участники состязания, принарядившиеся в свое лучшее воскресное платье, стояли все вместе на виду; одни из них держали наготове мушкеты, другие — охотничьи ружья (это допускалось); на треуголках колыхались пучки разноцветных лент, петлицы украшали цветущие веточки. Живописно-беспорядочные группки зрителей образовывали большой многоцветный партер, который был поделен надвое широким изогнутым газоном, — он шел от места, где стояли стрелки, до самой мишени.

В ослепительном свете дня наши предшественники, жившие в прошлом веке, являли собой поистине красочное зрелище. Как радовали взор алые и золотые жилеты, небесная лазурь, серебро, горохово-зеленые струны лютен, розовый шелковый подбив, сверкающие пряжки, изысканные парики, пудренные прически! Как гармонировало все это с блестящими нарядами величавых дам и щедрых на улыбки молоденьких простолюдинок! Эта пестрая картина, дополненная изрядным количеством мундиров, пребывала в неспешном движении, а рожки и барабаны Королевской ирландской артиллерии наполняли воздух зажигательными мелодиями.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ У КЛАДБИЩА. <i>Перевод Л. Бриловой, С. Сухарева</i>	5
В ТУСКЛОМ СТЕКЛЕ	
<i>Зеленый чай. Перевод Л. Бриловой</i>	535
<i>Давний знакомый. Перевод Л. Бриловой</i>	567
<i>Судья Харботтл. Перевод Л. Бриловой</i>	601
Комната в гостинице «Летящий дракон» <i>Перевод О. Варшавер, Н. Калошиной</i>	632
<i>Кармилла. Перевод Л. Бриловой</i>	745
Примечания. <i>Е. Зыкова, Е. Ярцева</i> («Дом у кладбища»), <i>С. Антонов</i> («В тусклом стекле»)	813

Ле Фаню Дж. Ш.

Л 53 Дом у кладбища : роман ; В тусклом стекле : повести, рассказы / Джозеф Шеридан Ле Фаню ; пер. с англ. Л. Бриловой, О. Варшавер, Н. Калошиной, С. Сухарева. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 864 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-17016-2

Джозеф Шеридан Ле Фаню (1814–1873) — выдающийся писатель Викторианской эпохи, в которую его нередко именовали «ирландским Уилки Коллинзом» и «ирландским Эдгаром По», автор множества готических рассказов, повестей и романов, переживших на рубеже XIX–XX веков временное забвение, а затем повторно завоевавших популярность — уже у новых поколений читателей. Действие романа «Дом у кладбища» (1862, опубл. 1863), который сам Ле Фаню считал вершиной своего творчества, разворачивается в деревушке Чейплизод неподалеку от Дублина, и начинается с находки на местном погосте останков человека, явно умершего насильственной смертью. Загадка его личности и кончины ведет из 1810-х годов в XVIII столетие, где поначалу неспешно, а потом все стремительнее раскручивается запутанная криминальная интрига: давнее убийство, обвинение невиновного, попытки настоящего преступника, переменившего имя, утаить свое прошлое путем ликвидации или подкупа свидетелей... На страницах сборника «В тусклом стекле» (1872) — последней прижизненно опубликованной книги Ле Фаню — соседствуют истории о потустороннем возмездии за давний грех — и рассказ о навязчивом наваждении, сводящем с ума добропорядочного обывателя, романтический сюжет о пылкой любви и о таинственной комнате — и легенда о вампире-соблазнителе, на четверть века опередившая «Дракулу» Брэма Стокера.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН ЛЕ ФАНИО

ДОМ У КЛАДБИЩА
В ТУСКЛОМ СТЕКЛЕ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Анастасия Келле-Пелле,
Юлия Теплова, Елена Шнитникова

Подписано в печать 23.08.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 54. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-25504-01-R